Четырнадцатый апостол (сборник)

Автор:
Андрей Белянин

Четырнадцатый апостол (сборник)

Андрей Олегович Белянин

Вы держите в руках новый сборник стихотворений известного писателя-фантаста Андрея Белянина. По словам автора, рифмы занимают половину его души. Надеемся, что каждая страница этой книги с иллюстрациями самого писателя, поэта и художника, станет истинным откровением для всех любителей поэзии.

Андрей Белянин

Четырнадцатый апостол (сборник)

«Стихи не пишутся согласно общему алфавиту…»

Стихи не пишутся согласно общему алфавиту.

У них совершенно иная концепция происхождения.

Рифма вправе себя не осознавать, даже быть забитой,

Но вечно испытывать к слову детсадовское влечение.

Я не верю жонглерам своих же интимных строчек,

Продающим билеты на встречу с бульварной поэзией.

Жизнь – вдох, смерть – выдох. И далее многоточие –

Танец капелек крови на синем бритвенном лезвии.

Когда первая пуля срывает с губ короткое имя,

На расстреле не плачут, верно? Или мне показалось?

Или это не дождь полился из небесного вымени,

Или шесть выстрелов за цикл стихов – такая малость…

Что потом не заметишь, как сквозь тебя прорастают травы,

Как профиль твой повторяет случайное облако на закате.

И пусть все религии мира дружно окажутся правы,

Касаясь земли и праха в изголовье твоей кровати.

Но если ты веришь в рифмы – забудь и брось!

Не пачкай души своей модненькими «лавсториями».

Стихи всё равно пробьются через бетон или кость

Лба моего, набитого ветром и аллегориями, –

Взлетят к серебряной выси, подброшенные пинком!

Пока остаётся в руке пистолетный ствол, как последняя лира…

А ты осторожно выскрёбываешь розовым ноготком

Две буквы в объятиях сердца, на северном склоне мира…

«От снов твоих жестоко уходить…»

От снов твоих жестоко уходить

В прозрачный лес и каменное пламя,

В заката обагрившееся знамя

И в облака, которым вольно плыть

От края и до края, бесконечно…

Я буду там, как самый белый конь,

Поверивший в любимую ладонь

И позабывший, что ничто не вечно.

Разлука, задушившая любовь,

Всегда найдёт серьёзные причины,

А слёзы, недостойные мужчины,

Моих ресниц не испугают вновь.

Я буду жить в предчувствии огня

Настолько долго, как угодно Богу.

Благослови венец мой и дорогу.

Как я любил…

Не забывай меня…

«Мне „Чёрный лекарь“ прописал покой…»

Мне «Чёрный лекарь» прописал покой,

Торжественную музыку Ванессы,

Пьер Бомарше – творения и пьесы,

И суеты на сердце никакой…

Я медленно смакую каждый сон,

Навеянный искусственною скрипкой,

Где в чистоте восторженной и зыбкой

Рассудок с сердцем дышат в унисон.

Вот кареглазой каплей по стеклу

Стекает дар креплёных лоз Тамани,

Он никого ничем уже не ранит,

Лишь превращает прошлое в золу.

Я пережду. Проверенный букет

Уже спасал ни одного поэта

От опиума или пистолета,

Или чего похуже… Мой совет –

Глоток вина! А после не спеша,

Ещё пока хоть что-то есть в стакане,

Пока вся память о любви не станет

Багрово-чёрной, как моя душа!

«Желтоглазая тоска…»

Желтоглазая тоска

С непонятною корыстью

В хрупкой плоскости виска

Ноет раненою рысью.

Процарапывая след,

Хочет вырваться на волю.

В удивлённом вскрике нет

Ни отчаянья, ни боли.

Кровь течёт под образа –

Это кошка тихой сапой

Закрывает мне глаза

Мягкою кровавой лапой…

«До сих пор от твоих поцелуев схожу с ума…»

До сих пор от твоих поцелуев схожу с ума.

До сих пор лишь стихами полнеет моя сума.

До сих пор небогат и по небу хожу пешком,

Облакам их кудри расчёсывая гребешком.

До сих пор хмелею, отражаясь в твоих слезах.

До сих пор все мои акварели ищут твои глаза.

До сих пор моими рифмами кормят чужих коней,

А шашка, пившая кровь, тихо висит на стене.

До сих пор я боюсь смотреть на улыбки детей.

До сих пор в моих снах призраки чёрных теней.

До сих пор отпускаю ушедших с любого числа.

Моя телефонная книга, словно перо, бела.

До сих пор бьюсь о стенку ничейной ролью.

До сих пор один – ненавижу делиться болью.

Этот выстрел короткий в висок, в упор –

Крест мой, суд мой и приговор.

До сих пор…

«Старик Хайям!..»

Старик Хайям!

Прими и мой поклон

С долины Рейна, где на дне фужера,

Лозой увитый, виноградный склон

Сверяет боль на вкус и страх на веру.

Багровый цвет германского вина

Окрашивает душу и мотивы.

«Мой милый Августин…» ещё раз и до дна!

В поэзии важны аперитивы.

Как пили в дни печали и сомнений

Табидзе, Пушкин, Лермонтов, Рубцов,

Губанов… список мог бы быть полнее,

Но я же тоже пьян, в конце концов…

И это не попытка приписаться

К когорте высших, ибо кто есть кто?!

В бутылке рейнского ещё минут на двадцать,

А после всё. И я, как Жан Кусто,

Уйду под воду, буду нем и нежен.

Уверую в земную благодать,

Вернусь в Россию, встречу город снежный,

Пойму, как освятила Божья Мать

Мои кресты, нездешние березы,

Чужую прорубь, жаждущую тьмы,

И выдохну нахлынувшие слезы,

И буду петь в предчувствии зимы

О Фрейбурге, Шварцвальде и трезвоне,

С шести утра стучащемся в окно,

Где призрак Гёте, сидя на балконе,

Из моих снов отхлёбывал вино

И диктовал возвышенные строки

О том, что мир торжественен и дик.

А с неба улыбался синеокий

Мой первый сын моих грядущих книг…

«Истину знают лишь умершие…»

Истину знают лишь умершие.

Живущие лишены такой сказочной роскоши.

Каждый жезл имеет своё навершие,

Словно густая печать богини Мокоши.

Это язычество, вышедшее из бездны,

Из-под контроля какого-то чёрного дна.

И если побыть хоть на минуту трезвым,

То кажется непробиваемою стена

Моих возвращений. Лазоревейшие дали

Уже не для нас, потому что такая тьма

Вокруг, и вот уж разрозненные детали

Не сходятся в пазл, а впрочем, суди сама.

Развей свои строки по высокогорным склонам,

Разлей свои слёзы вдоль горизонта, и

Расхожие фразы покажутся смысла полны,

И воздух разреженный лепит слои свои.

Строчку к строке. Восприятие к восприятию,

Так стволы сосен накручивают круги.

Я тоже запомню, что веки ты красишь под платье

И обручальное золото не украшенье руки.

Выстрел всегда и везде надёжнее стали.

Даже не проверяй, можешь верить на слово.

Сходи в музей, посмотри на старинные эмали,

Признай, что у них всё легко и счастливо.

Прости, что у нас иначе. Просто прости.

Нет? И не надо. Правильно. Да?

Расставания в англицком стиле не в чести,

Увы. Как и прочая фальшивейшая ерунда.

Это как бы в геометрической теореме,

Краткая чёрная точка в зените над пляжем Лидо.

Жизнь расчерчивает нашу судьбу по схеме:

Вдох.

Любовь.

Выдох.

«Где ты была? Где были наши души…»

Где ты была? Где были наши души
Сто лет назад? И был ли я так слеп,
Что в небесах, на море и на суше
Я строил не дворец, а тусклый склеп?
Бродил, не веря, что ты дышишь рядом,
Плутал во мраке суетных картин,
Касался женщин равнодушным взглядом
И, с кем бы ни был, был всегда один…
Я не искал ни солнца, ни просвета.
Но если б знал, что есть на свете ты, –
Бежал бы вспять крутой тропой поэта,
Рассеивая в снах твои черты,
А имя прошептали б мне цветы…
И мы с тобой вдвоём вернулись в лето…

«Пусть тусклый питерский дождь…»

Пусть тусклый питерский дождь
Тоской освежает душу

И так методично глушит

Озноба слепую дрожь.

Но горло не греет шарф

Обрывочных воспоминаний,

Рисунков, обид, признаний,

Как боли на брудершафт.

Где финская синь в глазах

Обломком холодной стали

Ласкается, но не жалит.

Где водкою глушат страх

Пред тем, кто, воспетый в медь,

На лепицуанском звере

Срок жизни твоей отмерит.

И, кажется, не успеть

С Пальмирой сойтись на «ты»

В поэзии или прозе,

В один поцелуй на морозе,

Пока разведут мосты.

А после – хоть шторм, хоть штиль,

По-русски, рванув рубаху,

Всё сердце нанизать махом

На Адмиралтейский шпиль!

«Не молись звезде до заката…»

Не молись звезде до заката.

Закатилась твоя звезда.

Отправляйся, казак, до хаты,

Пока с фронта идут поезда.

Пока ветер свистит на стыках,

Пока можно ещё успеть –

Не ругаться, не врать, не хныкать,

А суметь обмануть смерть.

Ненадолго, хоть на полгода,

Чтоб безносая не смогла,

Не почуяла в непогоду

Всей любви твоего тепла,

Твоих рук – золотого поля,

Твоих губ – неземной исток.

Я иду за звездой и болью

На Восток…

«Плачь, флейта дождя…»

Плачь, флейта дождя…

В далёком Тайване

Неизвестный крестьянин создал тело твоё их хвоща полевого.

Наполнил рисом, а музыка радости и изгнания

Родилась сама без чьего-либо высшего веления или слова.

Капли падают. Разбиваются не дыша,

Будто поток слёз всесокрушающий ломает стены темницы.

Какая же боль из сердца уходит, боясь помешать

Крылышку ангела рыжего, коснувшегося этой страницы…

Смотрел в зеркало. Совершенно пустые глаза.

Раньше в них отражалось небо, улыбка сына, астраханское лето.

Сине-зелёная сталь. А были – изумруд и бирюза…

И только вопросы, исключающие саму возможность ответа.

Потому что истины нет. Есть ненависть, боль и страх.

Вечные «если бы, если бы, если бы…», смерть остальное стёрла.

Плачь, флейта дождя… Нежно качаю тебя в руках,

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/andrey-belyanin/chetyrnadcatyy-apostol-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити